

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Seymour Martin LIPSET

POLITICAL
MAN
The Social Bases
of Politics

Expanded edition

The Johns Hopkins University Press
Baltimore, Maryland

Мартин ЛИПСЕТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЧЕЛОВЕК
Социальные
ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

Расширенное издание

·МЫСЛЬ·

Москва

УДК 32.001:316.334.3

ББК 66.0+60.561.3

Л61

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского: Е. Г. Гендель (гл. 1–8)

В. П. Гайдамака (гл. 9, 10, 13, 15)

А. В. Матешук (гл. 11, 12, 14)

Липсет, Мартин

Л61 **Политический человек : социальные основания политики** / М. Липсет ; пер. с англ. Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. — Москва : Мысль, 2016. — 612 с.

ISBN 978-5-244-01177-7

Мартин Липсет (1922–2006) — один из крупнейших политических социологов США. Всемирную известность ему принесли работы по сравнительной политологии и социологии демократии, теория связи между уровнем экономического развития и демократией, заложившая помимо прочего основы теории модернизации. «Политический человек» — классическое и одно из наиболее цитируемых сочинений по политической социологии, переведенное на 20 языков. Центральная тема книги — социальные основы демократии и авторитаризма (в том числе разных форм фашизма) — исследуется не только на примере политики и выборов, но и применительно к случаю «частного правительства» — профсоюзов. Отдельная глава посвящена роли интеллектуалов в демократическом обществе.

УДК 32.001:316.334.3

ББК 66.0+60.561.3

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, поиск и хранение информации, без письменного разрешения издателя.

25 мая 2015 года Фонд «Либеральная Миссия» внесен Министерством юстиции РФ в реестр «Некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».

All rights reserved. Published by arrangement with The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland

ISBN 978-5-244-01177-7

© Мысль, 2015

© 1959, 1960, 1981 by

Seymour Martin Lipset

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	13
ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1981 г.	19
ГЛАВА 1. СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	23
Интеллектуальные истоки	25
Классовый конфликт и консенсус:	
Маркс и Токвиль	27
Бюрократия и демократия: Вебер и Михельс	31
Современные исследования	34
ЧАСТЬ I. УСЛОВИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ	49
ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ	51
Экономическое развитие	
в Европе и двух Америках	55
Экономическое развитие и классовая борьба	68
Политика быстрого экономического развития	77
Методологическое приложение	82
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ,	
ЛЕГИТИМНОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ	89
Легитимность и эффективность	89
Легитимность и конфликт	96
Системы правления	106
Современные вызовы: коммунизм и национализм	108
ГЛАВА 4. АВТОРИТАРИЗМ РАБОЧЕГО КЛАССА	115
Демократия и низшие классы	120
Экстремистские религии и низшие классы	126
Социальная ситуация низших классов	129
Перспективы низшего класса	137
Как становятся авторитарными	144
Экстремизм как альтернатива: тестирование гипотезы ..	146
Исторические модели и демократические действия	151

ГЛАВА 5. «ФАШИЗМ» — ЛЕВЫЙ, ПРАВЫЙ И ЦЕНТРИСТСКИЙ	157
«Фашизм» и средний класс	161
Германия	168
Австрия.	183
Франция	186
Италия	197
США: маккартизм как популистский экстремизм	201
Перонизм — «фашизм» низших классов	205
Социальные основания фашизма	209
ЧАСТЬ II. ГОЛОСОВАНИЕ В ЗАПАДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ	213
ГЛАВА 6. ВЫБОРЫ: КТО ГОЛОСУЕТ И КТО ЭТОГО НЕ ДЕЛАЕТ?	215
Релевантность правительственной политики	224
Доступ к информации	229
Групповое давление в пользу голосования	241
Перекрестное давление	245
Заключительные соображения	261
ГЛАВА 7. ВЫБОРЫ: ВЫРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ	
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ	265
Левое голосование: реакция	
на групповые потребности.	279
Воздействие социальных условий	
на голосование за левых	298
ГЛАВА 8. ВЫБОРЫ: ВЫРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ	
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ — НЕПРЕРЫВНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ	317
Поколения и политическое поведение	317
Историческое прошлое разных моделей голосования	325
Заключительные замечания	336
ЧАСТЬ III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ	
В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ.	341
ГЛАВА 9. КЛАССЫ И ПАРТИИ	
В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	343

Партийная политика, определяемая сторонниками партии	352
Либерализм высшего класса	357
Эффект однопартийных штатов	361
Национализация политики	363
ГЛАВА 10. АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ: ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	371
Историческая левизна американских интеллектуалов.	374
Источники либерализма	379
Подлинный статус интеллектуалов.	385
Интеллектуалы и интеллигенция	388
Проблема численности	392
Интеллектуалы в политике	398
Антиинтеллектуализм и американские ценности.	399
Сдвиг вправо.	403
ГЛАВА 11. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ЮГА — ВЫБОРЫ 1860 ГОДА.	409
ЧАСТЬ IV. ПОЛИТИКА ЧАСТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: НА ПРИМЕРЕ ПРОФСОЮЗОВ	421
ГЛАВА 12. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОФСОЮЗАХ	423
Необходимость бюрократии	425
Каналы коммуникации в профсоюзах	430
Монополия на политические навыки	432
Социальный статус профсоюзных лидеров	435
Участие рядовых членов	441
Временные факторы.	446
Выводы.	463
Методологическое дополнение	468
ЧАСТЬ V. ЛИЧНЫЙ ПОСТСКРИПТУМ.	471
ГЛАВА 13. КОНЕЦ ИДЕОЛОГИИ?	473

Глава 14. Уточнение позиций и новые выводы	489
Экономический и классовый анализ	490
Социальные предпосылки демократии	498
Поддержка авторитаризма рабочим классом	504
Фашизм и бунт против современности	515
Голосование и демократическая классовая борьба в постиндустриальном обществе.	529
Заключение	547
Глава 15. «Конец идеологии»: понятие и его история	549
Происхождение понятия конца идеологии	551
Современные формулировки.	555
Реакции на студенческие волнения.	560
Формулировка Кеннеди	567
Предвосхищения Новой политики.	568
Идеология конца идеологии.	575
Эмпирический анализ	579
Заключение	583
Предметный указатель	586
Указатель имен	597

«Человек по природе своей есть существо политическое¹» (Книга третья, IV 2; англ. изд., 1129²).

«Общественный инстинкт встроен природой во всех людей, и тем не менее тот, кто первым основал государство, был величайшим из благодетелей. Ибо человек, когда он безупречен, есть наилучшее из животных, но когда он обособляется от закона и справедливости, то делается наихудшим из всех, поскольку хорошо вооруженная несправедливость наиболее опасна, а человек с рождения оснащен оружием, которое предназначено для его использования разумом и храбростью, но которое он может применять для достижения наихудших целей. Посему, ежели человек не обладает добродетельностью, то становится самым нечестивым, злобным и самым диким из животных и его переполняют вожделения и ненасытность. Но справедливость есть обязанность всех людей в государствах, ибо отправление правосудия, задача которого состоит в установлении того, что справедливо, является принципом порядка в политическом обществе» (англ. изд., 1130).

«Если же взять любого [из совокупности]³ в отдельности, то он, возможно, окажется хуже [мудрого человека]; но ведь государство состоит из многих, и, подобно тому как пиршество в складчину бывает лучше обеда простого, на одного человека, так точно и толпа о многих вещах судит лучше, нежели один человек, кто бы он ни был. Сверх того, масса менее подвержена порче [чем совокупность немногих], подобно большому количеству воды, масса менее поддается порче, чем немногие» (Книга третья, X 5–6; англ. изд., 1200).

«Неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй [причем хорошо будут, скорее всего, управляться те государства, в которых среднее сословие велико]. <...> Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане

---

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатели.

¹ Нередко переводят «есть политическое животное», и именно так сказано в английском тексте. — *Прим. перев.*

² Там, где это возможно, здесь и далее даются ссылки вначале на традиционный русский перевод Аристотеля (если он доступен), а затем и на использованный в оригинале этой монографии его английский перевод. — *Прим. перев.*

³ В цитатах из традиционного русского перевода Аристотеля здесь и далее в квадратных скобки заключены дополнения и уточнения, заимствованные из английского перевода. — *Прим. перев.*

обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, [может] возникать либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием [каждой из этих] противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распушенной демократии, так и из олигархии, [но] значительно реже — из средних видов государственного строя и тех, что сродни им. <...> Демократии пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам [и больше участвуют в управлении] в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, [возникают трудности и беспорядки] государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели» (Книга третья, IX 1; англ. изд., 1221—1222).

viii

«<...> В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе. <...> В этом случае простой народ, являясь [теперь] монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в [большом] почете)» (Книга четвертая, IV 4—5; англ. пер., 1212).

«Наличие нескольких видов государственного строя объясняется множественностью частей, из которых слагается всякое государство. Прежде всего мы видим, что все государства состоят из семей, затем из этой массы семей одни семьи, конечно, бывают состоятельными, другие — бедными, третьи имеют средний достаток. <...> Простой народ составляют, в свою очередь, земледельцы, торговцы, ремесленники; знатные опять-таки различаются по степени своего богатства и по размерам принадлежащей им собственности. <...> К отличиям, обусловливаемым богатством, присоединяются еще отличия по происхождению, по добродетели, а также по иным подобного рода преимуществам. <...> Таким образом, ясна неизбежность существования нескольких видов государственного строя, по характеру своему отличающихся один от другого, так как и составные части государства различаются между собой. Государственный строй есть порядок в области должностей [распределяемых

всеми гражданами между собой в соответствии с могуществом, которым обладают различные группы]; при нем все части находят себе место либо на основании свойств, присущих им, либо в силу того или иного правила, обуславливающего их равенство с общей точки зрения; например, правило, уравнивающее либо неимущих, либо состоятельных, либо общее для тех и других» (Книга четвертая, III 1–3; англ. изд., 1208).

«Универсальная и главная причина... бунтарского чувства... — это желание равенства, когда люди думают, что они равны другим, которые имеют больше, нежели они сами; или, опять же, это желание неравенства и превосходства, когда, считая себя выше иных, они думают, что имеют ничуть не более, чем стоящие ниже их, а, напротив, столько же или даже меньше. <...> Ныне в олигархиях массы учиняют бунты, исходя из идеи, что к ним относятся несправедливо, потому что, как я уже говорил ранее, они — ровня прочим, но не получают равную долю, а в демократиях восстают знатные особы, потому что и они не ровня прочим, а получают тем не менее всего только равную долю» (англ. изд., 1236–1237).

Все цитаты из сочинения Аристотеля «Политика». См.: *Аристотель*. Соч. : в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644; пер. с древнегреч. С. А. Жебелева (М., 1911), сверенный и в ряде мест уточненный издательством «Мысль». Поскольку для второй и последней из приведенных цитат в вышеуказанном русском переводе не удалось найти надежные эквиваленты, они были переведены с того английского текста, которые приводит в своей монографии С. Липсет (Aristotle. «Politica», translated by Benjamin Jowett, in *The Basic Works of Aristotle*, edited by Richard McKeon (New York: Random House, 1941).

ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как термин «социология» был впервые применен к систематическому исследованию общественных отношений, анализ политических процессов и институтов сделался одним из самых важных предметов заинтересованности вышеуказанной науки. Никакой социолог не может представить себе такого исследования общества, которое бы не включало политическую систему в качестве существенной части этого анализа. И многие из политологов, государствоведов и других ученых, работающих в сфере политических наук, спорили, особенно в последние годы, причем иной раз с другими специалистами из их собственной научной дисциплины, доказывая, что невозможно изучать политические процессы иначе, чем как частные случаи более общих социологических и психологических взаимоотношений и зависимостей. Растущее сотрудничество среди тех, кто изучает политическое поведение в рамках тех или иных отраслей политической науки, социологии, психологии и антропологии (причем в каждой из трех последних дисциплин теперь существуют общепризнанные подразделы, имеющие дело с политикой и политической жизнью), равно как и принятие всеми этими специалистами общих концепций и методов являет собой новое свидетельство основополагающего единства всех общественных наук. Изучение человека в обществе невозможно плодотворно разделить на фрагменты и разложить по разным полочкам согласно независимым понятиям и сферам заинтересованности.

Эта книга предназначена для самых разных аудиторий, в частности для людей, проявляющих общий интерес к политике и политической жизни, для академических аналитиков, для ученых с узкой специализацией и, наконец, для практиков. Некоторые читатели будут в первую очередь озабочены причинами и последствиями того или иного политического поведения, другие — теоретическими и методологическими проблемами данной академической дисциплины. Полагаю, что обе эти группы будут удовлетворены совокупностью представленных здесь материалов; при этом некоторые из методологических обсуждений вынесены в приложения к главам (см. главы 2 и 12), чтобы лица, менее заинтересованные подобными вопросами, могли безболезненно пропустить их рассмотрение.

Главная проблема, с которой имеет дело данная книга, — демократия как особенность или характеристика общественных систем.

х Основные обсуждаемые в ней темы — это условия, необходимые для демократии в обществах и организациях; факторы, которые воздействуют на участие людей в политической жизни, в особенности на их поведение как избирателей; далее источники поддержания ценностей и, наконец, политические движения, придающие силу демократическим институтам или же угрожающие им.

Публикуемые здесь исследования в области социологии политической жизни не были задуманы изначально в качестве некоего сборника эссе, которые — так уж случилось — были написаны одним и тем же человеком. Скорее я пытался выбрать из различных моих статей такие, что наилучшим образом иллюстрировали бы тот вклад, который социолог может внести в понимание демократических политических систем. В процессе этих занятий мне стало ясно, что книга, составленная исключительно из уже существующих статей, создала бы трудности для читателя, потому что она обошла бы вниманием многие проблемы и вопросы, которые из логических соображений непременно следовало бы подвергнуть обсуждению. Я попытался устранить данный дефект, написав целый ряд эссе специально для этого тома и подвергнув другие интенсивной переработке. С помощью таких переделок я старался создать цельную книгу.

Так как данная книга иллюстрирует мои основные интеллектуальные интересы и личные ценности более полно, нежели любые предшествующие мои публикации, то считаю уместным выразить здесь признательность хотя бы некоторым из тех, кому я обязан более всего. В их числе прежде всего трое моих учителей и бывших коллег по Колумбийскому университету: Пауль Лазарсфельд, Роберт Линд и Роберт Мертон. Роберту Линду я признателен, среди многих иных вещей, за поддержку и укрепление моей веры в то, что исследования в области социологии и других общественных наук не могут не быть социально значимыми. Роберт Мертон помог мне и многим другим понять реальную мощь социологических концепций как инструментов анализа и как дефиниций тех захватывающих интеллектуальных границ, до которых простирается социология. От Пауля Лазарсфельда, этого самого блистательного логика в области общественных наук, я научился видеть разницу между анализом и иллюстрацией — разницу столь фундаментальную и важную, что для ее подробного изложения понадобилось бы много книг, которые он, к счастью, написал сам или же побудил к их написанию других.

Мне хотелось бы также упомянуть и прочих моих друзей, которые в разное время сыграли не менее важные роли в стимулировании моих интересов. Возможно, в интеллектуальном смысле я боль-

ше, чем любому другому человеку, обязан Хуану Линцу, вместе с которым проработал много лет. Рейнхард Бендикс давал мне мудрые советы по многим разнообразным темам, не самая малозначимая из которых касалась того, каким образом скомпоновать эту книгу. Мой коллега и бывший студент Роберт Олфорд сильно помог мне в пересмотре и доработке эссе, образующих данную книгу. Энни Фридгуд из издательства Doubleday очень способствовала их логичности и улучшению стиля их изложения. В числе других, кому я обязан, Дэниел Белл, Натан Глейзер, Роберт Даль, Алекс Инкельс, Уильям Корнхаузер, Джеймс С. Коулман, Лео Лёвенталь, Дэниел Миллер, Филип Селзник, Мартин Трой, Дэвид Трумэн, Герберт Хаймен и Ричард Хофстедтер.

Три главы: 6, 7 и 8 — заслуживают здесь особого упоминания, потому что они были первоначально написаны как часть совместной работы Пауля Лазарсфельда, Аллена Бартона и Хуана Линца с факультета социологии Колумбийского университета, которые вместе со мной были соавторами главы *The Psychology of Voting* («Психология голосования») в сборнике *Handbook of Social Psychology* под редакцией Гарднера Линдзи, том II (Кембридж: Addison-Wesley, 1954). Я, однако, внес в эти материалы крупные изменения, в частности удалил некоторые разделы и добавил другие. Поскольку мои соавторы не были привлечены к этим решениям, у меня нет ощущения, что было бы правильным попросить их разделить ответственность за вышеупомянутые изменения, которые отражают мои личные интересы и потребности данной книги, а вовсе не их собственные нужды. Важно, однако, отметить, что в перечисленных главах основная часть их теоретического обоснования, равно как и сбор данных для них, является результатом указанного выше сотрудничества.

Многие из эмпирических обобщений, о которых здесь сообщается, основаны на анализе опросов общественного мнения, выполненных исследовательскими организациями самых разных стран. Целый ряд таких учреждений сотрудничал со мною в моих интересах, сделав доступными для меня дубликаты тех комплектов перфокарт, которые они получили в ходе своих исследований, а также предоставив мне результаты табулирования неопубликованных данных из своих картотек и архивов*. Я хотел бы выразить при-

---

* Напомним российскому читателю, что первое издание этой книги вышло в 1960 г., а готовилось еще раньше, когда для массового сбора данных служили картонные перфокарты, а для их обработки — особые счетно-перфорационные машины, или табуляторы. Указанную выше дату (как и 1981 г., когда вышло данное расширенное издание, с которого делался настоящий перевод) нужно постоянно иметь в виду при рассмотрении представленных в книге политических реалий, в том числе различных событий и организаций, а также их участников или лидеров. — *Прим. перев.*

знательность за такую помощь. Среди лиц и учреждений, которые сотрудничали со мной в указанных вопросах, — профессор Эрик Аллардт из Хельсинкского университета и финский Центр опросов общественного мнения «Социальные исследования (опросы Гэл-лапа)»; профессор П. Луццатто Фегиц и институт DOXA в Милане, Италия; д-р Ален Жирар и французский Национальный институт демографических исследований; Жан Стотцель и Луи Анжельби из французского Института исследования общественного мнения; Рой Морган из Австралийского центра опросов общественного мнения; д-р Эрих Райгротцки и Научно-исследовательский институт ЮНЕСКО из Кельна, Германия; д-р Стейн Роккан и Институт социальных исследований университета в Осло, Норвегия; проф. Итиэль де Сола Пул из Центра международных исследований при Массачусетском институте технологии и д-р Иэн Стейпел из Нидерландского института исследования общественного мнения.

В этой книге сообщается лишь о малой части доступных материалов. Намного больше информации содержится в работе S. M. Lipset and Juan Linz, *The Social Bases of Diversity in Western Democracy* (Stanford: Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences, 1956, напечатано на ротаторе). Пересмотренная версия этой рукописи будет в значительной степени иметь дело с компаративным политическим поведением.

Более ранние версии значительной части представленных здесь работ появлялись в различных журналах и сборниках статей. Я благодарен их издателям и редакторам за разрешения перепечатать или переработать эти публикации для данной книги. Вот список соответствующих статей:

«Political Sociology», *Sociology Today*, Robert K. Merton, Leonard Broom, and Leonard Cottrell, eds. (New York: Basic Books, 1959), pp. 81–114;

«Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy», *American Political Science Review*, 53 (1959), pp. 69–105;

«American Intellectuals: Their Politics and Status», *Daedalus*, 88 (Summer 1959), pp. 460–486;

«Democracy and Working-Class Authoritarianism», *American Sociological Review*, 24 (1959), pp. 482–502;

«Socialism — Left and Right — East and West», *Confluence*, 7 (Summer 1958), pp. 173–192;

«The American Voter», *Encounter*, 7 (August 1956), pp. 55–62;

«The State of Democratic Politics», *Canadian Forum*, 35 (1955), pp. 170–171;

(With Paul F. Lazarsfeld, Allen Barton, and Juan Linz) «The Psychology of Voting: An Analysis of Political Behavior», в сб. *Handbook of Social Psychology*, G. Lindzey, ed., Vol. II (Cambridge: Addison-Wesley, 1954), pp. 1124–1170;

«The Political Process in Trade Unions: A Theoretical Statement», в сб. *Freedom and Control in Modern Society*, Morroe Berger, Charles Page, and Theodore Abel, eds. (New York: D. Van Nostrand Co., 1954), pp. 82–124. xiii

Две научно-исследовательские организации, членом которых я состоял, очень облегчили мою работу ученого, обеспечивая научную и административно-канцелярскую помощь, а также ту благоприятную для исследователя среду, которая побуждала меня к научной работе: в прошлом это было Бюро прикладных социальных исследований (Bureau of Applied Social Research) Колумбийского университета, которым в то время, когда я находился в этом университете, руководил профессор Чарльз Глок (в настоящее время он директор Исследовательского центра опросов Калифорнийского университета), а позже – Институт индустриальных отношений Калифорнийского университета в Беркли, который возглавляют профессор Артур Росс, директор, и д-р Маргарет Гордон, заместитель директора. Первая из этих организаций проявляла особый интерес к проблемам теории и методов кодификации в общественных науках, и значительная часть работы, о которой сообщается в главах 1, 6, 7, 8 и 9, была проделана под ее эгидой и с поддержкой в виде гранта, предоставленного Отделением бихевиористических наук Фонда Форда для целой совокупности исследований в области политического поведения¹. (Этот грант получила целая междисциплинарная группа, в состав которой входили Ричард Хофстедтер, Герберт Хаймен и Дэвид Трумэн, а я сам состоял ее председателем.)

Институт индустриальных отношений в Беркли был заинтересован, среди прочего, воздействием индустриализации и различающихся систем стратификации на состояние рабочего движения, на межклассовую и внутриклассовую напряженность, а также на политическое поведение профессиональных страт в различных странах. Бóльшая часть работ, лежащих в основе первоначальной формы публикации остальных глав настоящей книги, была выполнена

---

¹ Помимо моих работ другими публикациями из этой совокупности были книги: Herbert Hyman, *Political Socialization* (Glencoe: The Free Press, 1959), и William Kornhauser, *The Politics of Mass Society* (Glencoe: The Free Press, 1959).

_____ xiv
благодаря субсидиям и спонсорству этого института, а также с поддержкой в виде дополнительных грантов от Отделения бихевиористических наук Фонда Форда и от Комитета по компаративной политике Совета по исследованиям в области социальных наук. Я должен также с благодарностью отметить те без малого 12 месяцев, которые провел в 1955–1956 гг. как член Центра продвинутых исследований в области бихевиористских наук, когда я был свободен от всех обязанностей, кроме моих собственных научных интересов.

В числе моих помощников в научной работе над проектами, результаты которых частично излагаются в настоящей книге, — Роберт Блонер, Рена Кацнельсон, Карлос Круйтбош и Амитай Этциони.

*Сеймур Мартин Липсет
Беркли, Калифорния
15 мая 1959 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1981 г.

Переиздание книги спустя два десятилетия после ее первого появления на свет требует некоторого оправдания. В данном случае главное обоснование состоит в том, что эта книга оказалась хорошо принятой в момент своей первой публикации в 1960 г. и у нее, по-видимому, и сейчас есть немалая аудитория. Хотя какая-то часть научно-исследовательской литературы, о которой сообщается в данной работе, была за истекшее время вытеснена из научного оборота и заменена более актуальными публикациями, основные идеи и подходы, использованные в этом исследовании сравнительного политического поведения, и сейчас, в начале 1980-х годов, не потеряли своей значимости для тех, кто интересуется политической жизнью.

Когда университетское издательство The Johns Hopkins University Press впервые предложило опубликовать новое издание книги «Политический человек», моя первоначальная реакция заключалась в том, чтобы полностью ее переработать или, еще лучше, написать новую книгу, заново рассмотрев в ней многие из тех вопросов, которые освещались в ее первоначальном варианте. Однако ранее взятые мною на себя обязательства исключали такую возможность — по крайней мере на ближайшие несколько лет. Но просто дать разрешение опять напечатать книгу «Политический человек» без хотя бы какого-то обсуждения релевантности более свежих работ и критического рассмотрения их содержания казалось мне слишком самонадеянным.

По этим причинам я добавил к первоначальному изданию две главы, которые фигурируют здесь под номерами 14 и 15. Глава 14 уточняет и углубляет рассмотрение следующих четырех областей: «Экономическое развитие и демократия» (глава 2), «Авторитаризм рабочего класса» (глава 4), «Фашизм» (глава 5) и «Классовая политика» (главы 7, 8 и 9). Обсуждение темы «Конец идеологии?» (глава 13) усилено включением — в качестве заключительной главы — расширенной версии моей ранее опубликованной статьи, в которой этот вопрос трактуется комплексно и всесторонне¹.

¹ Целый ряд рассматриваемых здесь тем подвергался также углубленной проработке в моем сборнике статей Seymour Martin Lipset, *Revolution and Counterrevolution: Change and Persistence in Social Structures* (Garden City, N. Y.: Doubleday-Anchor Books,

Темы, трактовка которых не расширена в новых главах, в частности вопросы, рассматриваемые в главе 3 «Социальный конфликт, легитимность и демократия» или в главе 12 «Политический процесс в профсоюзах», проигнорированы, потому что в настоящий момент мне, по правде говоря, практически нечего особенно добавить к их первоначальному содержанию. Еще одна область, в которой за прошедшие два десятилетия было проделано много работы, — это политическое участие, обсуждавшееся в главе 6, но здесь эмпирические данные, полученные за минувшие годы, по существу лишь дополняют выводы и заключения, предложенные ранее в первом издании данной книги².

Политическая жизнь интеллектуалов (глава 10) — это область, в которой я проделал значительную работу с тех пор, как книга «Политический человек» впервые вышла в свет. Я просто отсылаю читателя к моим публикациям по данной проблематике³.

---

 xxi

1968), особенно часть 3 «Social Stratification and Politics» и часть 4 «Political Cleavages in Comparative Perspective», а также в написанных мною разделах книги Louis Horowitz and Seymour Martin Lipset, *Dialogues on American Politics* (New York: Oxford University Press, 1978).

² William H. Flanigan, *Political Behavior of the American Electorate*, 2d ed. (Boston: Allyn & Bacon, 1972); Bruno S. Frey, «Why Do High Income People Participate More in Politics?», *Public Choice* 11 (Fall 1971): 101–105; Norval D. Glenn and Michael Grimes, «Aging, Voting, and Political Interest», *American Sociological Review*, 33 (August 1968), pp. 563–575; Lester W. Milbrath and M. V. Goel, *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?*, 2d ed. (Chicago: Rand McNally, 1977); Sidney Verba and Norman H. Nie, *Participation in America*, (New York: Harper & Row, 1972); Sidney Verba, Norman H. Nie, and Jae-on Kim, *Participation and Political Equality* (New York: Cambridge University Press, 1968); Raymond E. Wolfinger and Steven J. Rosenstone, *Who Votes?* (New Haven: Yale University Press, 1980); John F. Zipp and Joel Smith, «The Structure of Electoral Political Participation», *American Journal of Sociology* 85 (July 1979), pp. 167–177; Jürg Steiner, *Bürger und Politik: Empirisch-theoretische Befunde über die politische Partizipation der Bürger in Demokratien unter besonderer Berücksichtigung der Schweiz und der Bundesrepublik Deutschland*, Vol. 4 of *Politik und Wähler* (Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain, 1969).

³ Seymour Martin Lipset, «The Politics of Academia», в сб. David C. Nichols, ed., *Perspectives on Campus Tensions* (Washington, D.C.: American Council on Education, 1970), pp. 85–118; Lipset, «Academia and Politics in America», в сб. T. J. Nossiter et al., eds., *Imagination and Precision in the Social Sciences* (London: Faber & Faber, 1972), pp. 211–289; Lipset and Richard Dobson, «The Intellectual Rebel: With Special Reference to the United States and the Soviet Union», *Daedalus* 101 (Summer 1972), pp. 137–197; Lipset, *Rebellion in the University* (Chicago: University of Chicago Press, Phoenix edition, 1976); Lipset «Political Controversies at Harvard, 1636–1974», в сб. Lipset and David Riesman, *Education and Politics at Harvard* (New York: McGraw-Hill Book Co., 1975), pp. 2–278; Everett C. Ladd, Jr., and Lipset, «The Politics of American Political Scientists», *PS* 4 (Spring 1971), pp. 135–149; Lipset and Everett C. Ladd, Jr., «The Politics of American Sociologists», *American Journal of Sociology* 78 (July 1972), pp. 67–104; Everett C. Ladd, Jr., and Lipset, *The Divided Academy: Professors and Politics* (New York: W.W. Norton & Co., 1976).

За те два десятилетия, что прошли с момента первого издания данной книги, я продолжал заниматься исследованиями и публикациями о развитии политических событий — как в сравнительном, так и в американском контекстах. Об этой моей работе сообщается в различных книгах и статьях. Дополнительные материалы, представленные в части VI настоящей книги, основаны на какой-то части данной деятельности.

Мне хотелось бы выразить признательность за помощь и penetrating замечания всем тем ученым, с которыми я сотрудничал в течение указанного периода. В частности, это Стейн Роккан, который до его безвременной кончины в 1979 г. являл собой пример выдающегося политолога и социолога; Ирвинг Горовиц, Эверетт Лэдд, Эрл Рааб и Уильям Шнайдер. Я также многому научился у трех своих аспирантов, Ларри Даймонда, Гэри Маркса и Стива Стэдмена, которые помогали формулировать идеи, включенные в часть VI настоящей книги. Бренда Маклин также внесла заметный вклад в подготовку этого издания к публикации. Я хотел бы также поблагодарить издательство University of Chicago Press за предоставленное разрешение включить в качестве главы 15 этой книги мою статью, которая первоначально появилась в 1977 г. в сборнике Joseph Ben-David and Terry N. Clark, eds., *Culture and Its Creators*.

Сеймур Мартин Липсет
Стэнфорд, Калифорния
Январь 1981 г.

ГЛАВА 1

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ¹

Одним из основных предметов интереса политической социологии является анализ социальных условий, способствующих демократии. Как ни удивительно это может звучать, но стабильная демократия требует манифестировать конфликт или раскол таким образом, чтобы шла борьба за ведущие позиции, чтобы кто-то бросал вызов партиям, стоящим у власти, и ставил под сомнение правомерность их пребывания там, чтобы происходили смены правящих партий. Однако без консенсуса — политической системы, позволяющей вести мирную игру с властью, без приверженности «чужих» таким решениям, которые приняты «своими», и без признания «своими» законным прав «чужих»* — не может быть никакой демократии. Поэтому исследование условий, способствующих демократии и поощряющих ее укрепление, должно сконцентрироваться на источниках как раскола, так и консенсуса.

Раскол — там, где он легитимен, — вносит свой вклад в интеграцию различных обществ и организаций. Профессиональные союзы, или тред-юнионы, например, помогают интегрировать своих членов в более крупное политическое образование (body politic**)

---

¹ Здесь может представлять интерес целый ряд библиографических отчетов, посвященных исследованиям в области политической социологии и политического поведения. В числе нескольких недавних библиографических отчетов, имеющих дело с политикой и политической жизнью: R. Bendix and S. M. Lipset, *Political Sociology — A Trend Report and Bibliography*, *Current Sociology*, 6 (1957), pp. 79–169; Joseph R. Gusfield, «The Sociology of Politics», в сб.: Joseph B. Gittler, ed., *Review of Sociology* (New York: John Wiley & Sons, 1957), pp. 520–530. Краткими, но исчерпывающими руководствами, резюмирующими многие важные исследования, являются следующие книги: Robert E. Lane, *Political Life* (Glencoe: The Free Press, 1959) и Heinz Eulau, Samuel J. Eldersveld, and Morris Janowitz, eds., *Political Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1956).

* На американском политическом жаргоне «свои» и «чужие» (ins and outs, пришедшие и ушедшие, иногда их еще называют «члены клуба» и «аутсайдеры») — это в двухпартийной системе соответственно члены партии, находящейся в данный момент у власти, и той партии, которая утратила власть в стране и пребывает сейчас в оппозиции. — *Прим. перев.*

** Этот американский политический термин, который можно также переводить как «политическое пространство» или «политическое целое», представляет собой собирательное понятие, охватывающее народ политически организованного

и давать им основания для проявления лояльности к системе. Сфокусированность Карла Маркса на союзах и партиях рабочих как локомотивах революционной напряженности была неверной. Как это ясно показывают главы 2 и 3, именно в тех странах, где рабочие оказались в состоянии сформировать сильные профессиональные союзы и получить представительство в политической жизни, наименее вероятно обнаружение дезинтегративных форм политического раскола. И разнообразные исследования убедительно показали, что члены тех профсоюзов, где разрешается легитимная внутренняя оппозиция, питают к ним заметно больше лояльности, нежели к более диктаторским и, казалось бы, более тесно объединенным, сплоченным и унифицированным профсоюзным организациям. Консенсус по поводу тех норм толерантности, которые общество или организация признаёт в настоящее время, зачастую вырабатывался только как результат фундаментального конфликта, и для поддержания этого консенсуса требуется, чтобы такой конфликт продолжался.

Данная книга стремится внести свой вклад в понимание демократических политических систем, и для этого в ней обсуждается целый ряд проблемных областей — это и социальные требования, предъявляемые к демократическим системам и к различным типам политического конфликта в США и других демократических обществах, особенно в связи с электоральным расколом; это и некоторые из конкретных причин возникновения антидемократических тенденций; это источники участия в политической жизни; это социальные базы, обеспечивающие поддержку тех или иных партий в США и других странах; и это, наконец, условия, которые определяют политическую жизнь профессиональных союзов. Чтобы понимать социологические обоснования, на которые опираются исследования вышеперечисленных тем, необходимо сначала рассмотреть эволюцию идей о современном обществе.

государства и всю общенациональную политическую систему. Оно восходит к эпохе позднего Средневековья, когда во избежание кризиса власти была разработана теория, согласно которой король существует в двух лицах: «лице физическом» (body natural) и «лице юридическом» (body politic), причем последнее продолжает жить даже после смерти первого. Данное выражение широко употреблялось многими американскими политическими деятелями, в том числе президентами Дж. Гарфилдом, Ф. Д. Рузвельтом, а также Д. Эйзенхауэром. Если учесть, что последний занимал свой пост в 1953–1961 гг., т.е. как раз в тот период, когда писалась первая, основная версия данной книги, то привязанность Эйзенхауэра к указанному понятию могла способствовать достаточно широкому употреблению термина body politic в этой книге. — *Прим. перев.*

Интеллектуальные истоки

Кризисы Реформации и промышленной революции, которые возвестили о рождении современного общества, послужили также основанием и для зарождения социологии политической жизни. Ломка традиционного общества в первый раз выставила на всеобщее обозрение различие между обществом и государством. Этот процесс поставил также следующую проблему: каким образом общество может стоять перед лицом непрерывных конфликтов среди отдельных его членов и различных групп и тем не менее все равно поддерживать социальное единство и легитимность государственной власти?

Раскол между абсолютистскими правителями XVII столетия и зарождающейся буржуазией сделал различия между человеком и гражданином, между обществом и государством совершенно ясными. Названные различия были одновременно и причиной, и следствием кризиса в вопросе о легитимности государства, которую некоторые мыслящие люди начинали ставить под сомнение, а другие — полностью отрицать. Боден в XVI в. впервые сформулировал принцип суверенитета государства по отношению к другим институтам в границах страны, чтобы тем самым оправдать верховенство государства, особенно в эпоху религиозных конфликтов. Многие философы — в их числе Гоббс, Локк и Руссо — пытались, каждый по-своему, решить такую основополагающую проблему, как потребность в светском консенсусе, который мог бы заменить собой религиозное решение Средневековья и перебросить мост, ликвидирующий разрыв между обществом и государством.

Жившие в XIX в. отцы политической социологии занимали в споре по поводу этой проблемы совершенно разные позиции. Такие ученые, как Сен-Симон, Прудон и Маркс, стали на сторону общества: для них именно оно было той тканью, которую надлежало усиливать и укреплять, тогда как государство следовало ограничивать, подвергать контролю со стороны общества или вообще отменить. По другую сторону располагались Гегель и его последователи, вроде Лоренца фон Штейна и других, которые полагали, что решение лежит в подчинении разнообразных и в корне различных элементов общества доминирующему суверенитету государства.

Социология политической жизни, как представляется, переросла это противоречие и решает более фундаментальную проблему. Разрешение той прежней дилеммы, подобно решению столь многих других альтернатив, напоминает поиски ответа на вопрос,

с самого начала поставленный неправильно. Ошибка состоит в том, что государством и обществом оперируют как двумя независимыми организмами и задаются вопросом, какой из них более важен или предпочтителен. Политические социологи теперь доказывают, что государство всего лишь один из многих политических институтов и что политические институты являются всего лишь одним из многих кластеров общественных институтов, а также что взаимоотношения и зависимости между этими институтами и кластерами других институтов — это предмет социологии в целом и что взаимоотношения и зависимости между политическими и иными институтами — это особая сфера социологии политической жизни. Социологи в своих дебатах о полномочиях политической социологии с политологами и другими специалистами по политическим наукам настаивали, что независимое исследование государства и других политических институтов не имеет теоретического смысла. Например, Толкотт Парсонс (Talcott Parsons), этот, возможно, самый крупный современный теоретик социологии, утверждал, что исследование политической жизни нельзя «трактовать в терминах четко специализированной концептуальной схемы... ровно по той причине, что политическая проблема социальной или общественной системы — это средоточие для интеграции всех ее аналитически различных компонентов, а не какого-то специально дифференцируемого класса этих компонентов»².

С точки зрения современной социологии всякие дебаты между «сторонниками» государства и, напротив, общества завершены. Но хотя предметы этого разногласия больше не именуются терминами «государство» и «общество», лежащая в его основе проблема достижения надлежащего баланса между конфликтом и консенсусом продолжает существовать. Это и есть центральная проблема, с которой имеет дело данная книга.

Социологи до сравнительно недавнего времени были намного активнее вовлечены в изучение условий, порождающих раскол, чем в установление необходимых предпосылок для политического консенсуса. Вытекающие отсюда последствия и осложнения становятся яснее, если мы рассмотрим четырех великих европейцев, чьи идеи — в большей или меньшей степени — образуют фундамент политической социологии: Маркса, Токвиля, Вебера и Михельса.

---

² Talcott Parsons, *The Social System* (Glencoe: The Free Press, 1951), pp. 126–127.

Классовый конфликт и консенсус: Маркс и Токвиль

Случилось так, что проблемы противопоставления «конфликт — консенсус» попали в центр внимания после Великой французской революции. Революционеры были, естественно, в первую очередь заинтересованы в раздувании конфликта, консерваторы — в поддержании социальной стабильности. Но на протяжении многих лет лишь узкий круг людей анализировал условия, при которых конфликт и консенсус оставались или могли оставаться сбалансированными.

Самым внятным провозвестником мнения о необходимости рассматривать конфликт в качестве центрального объекта интереса при исследовании политической жизни был Карл Маркс, и, как показывает значительная часть того анализа, который представлен далее в данной книге, у него было много плодотворных прозрений в вопросе о понимании фундаментальных причин конфликта. Алексис де Токвиль, с другой стороны, явился первым крупным выразителем мысли о том, что демократия включает в себя баланс между силами конфликта и консенсуса.

Для Маркса сложное общество может характеризоваться *либо* постоянным конфликтом (даже если он подавлен), *либо* консенсусом, но никак не их сочетанием. Он видел конфликт и консенсус как альтернативы, а не как расходящиеся тенденции, которые могут быть сбалансированы. С одной стороны, он проецировал консенсус, гармонию и интеграцию на коммунистическое будущее (и до некоторой степени — на коммунистическое прошлое); с другой стороны, он рассматривал конфликт и абсолютизм как великий факт истории в эпоху между древним первобытным коммунизмом и предстоящим успехом пролетарской революции.

Марксова концепция будущего гармоничного общества оказала существенное воздействие на его социологический кругозор и мировоззрение. Политическая система, которую он проектировал, была не институционализированной демократией, а анархией. Это означало, в частности, конец всякого разделения труда, поскольку устранение дифференциации ролей в экономических сферах жизни должно было, согласно Марксу, устранить главный источник социального конфликта: «...в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу,

вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком»³.

Это утверждение не просто греза Маркса об утопическом будущем. Оно описывает одно из основных обстоятельств коммунистического общества, поскольку коммунизм «есть истинное разрешение антагонизма между человеком и природой, [и] между человеком и человеком...»⁴. Он означает устранение всех социальных источников различий, ликвидируя даже различие между городом и деревней⁵.

6 Так как в стратифицированном обществе, где доминирует эксплуататорский класс, консенсус невозможен, Маркс не мог себе вообразить источники солидарности в докоммунистическом обществе. В первую очередь его интересовал анализ факторов, способствующих 6 мощи борющихся между собой сил. Он, однако, никогда не проявлял реальной заинтересованности в том, чтобы понять психологические механизмы, через посредство которых интересы людей дисциплинируются, — даже с целью увеличения классовой силы. В одном любопытном пассаже, написанном, когда он был молод, Маркс поставил эту проблему в гегелевских терминах: «Каким образом получается, что личные интересы всегда развиваются против воли личностей в классовые интересы, в общие интересы, которые приобретают самостоятельность по отношению к отдельным лицам, принимают при этом в своем обособлении форму всеобщих интересов, в качестве таковых вступают в противоречие с действительными индивидами и в этом противоречии, будучи определены как всеобщие интересы, могут представляться сознанием как идеальные и даже как религиозные, святые интересы?»⁶

Но сам Маркс никогда не пробовал ответить на этот вопрос⁷. В принципе, его не беспокоила потребность общества в поддержании тех институтов и ценностей, которые облегчают сохранение стабильности и сплоченности. Для Маркса социальные ограничения

³ Karl Marx, *The German Ideology* (New York: International Publishers, 1939), p. 22. [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 32.]

⁴ Цитируется по французскому изданию «Святого семейства» в книге: G. Gurvitch, «La Sociologie du jeune Marx», *Cahiers internationaux de sociologie*, 4 (1948), p. 25.

⁵ Karl Marx, *op. cit.*, p. 44.

⁶ Karl Marx, «Ideology — “Saint Max”»), *Gesamtausgabe*, I, 5, p. 226, цит. в: *The German Ideology*, p. 203. [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 234.]

⁷ Наилучшее марксистское обсуждение проблемы развития классового единства и фактического отказа от личных интересов в пользу интересов классовых можно найти в: Georg Lukacs, *Geschichte und Klassenbewusstsein* (Berlin: Malik, 1923).

не выполняли никаких общественно необходимых функций, а скорее поддерживали правящий класс и его господство.

В теории Маркса совершенно нет места для демократии в условиях коммунизма. В ней существуют только два взаимно исключающих социальных типа: общество конфликта и общество гармонии. Согласно Марксу, первый тип является в своей основе деструктивным для человеческого достоинства и должен быть уничтожен. Второй избавлен от источников конфликта, и, следовательно, в нем нет никакой потребности в таких демократических институтах, как гарантии и защитные механизмы против государственной власти, как разделение властей, защита юридических гарантий, конституция или «билль о правах»⁸. История российской революции уже продемонстрировала некоторые из чудовищных последствий применения подобной теории, которая имеет дело только с несуществующими идеальными типами — иначе говоря, с обществами, где царит полная гармония, а также обществами с постоянным и незатихающим конфликтом.

На первый взгляд теория Токвиля выглядит похожей на Марксову, поскольку они оба делают упор на солидарность внутри социальных единиц и на необходимость конфликта между этими единицами. (Для Маркса указанные единицы были классами; для Токвиля они представляли собой местные сообщества и добровольные организации.) Однако Токвиль в отличие от Маркса предпочел делать акцент на тех аспектах социальных единиц, которые могли бы в одно и то же время поддерживать как политический раскол, так и политический консенсус. Он не проецировал свое гармоничное общество в будущее и не разделял во времени источники социальной интеграции и источники раскола. Одни и те же единицы — в США это, например, федеральное и штатные правительства, конгресс и президент, — которые функционируют независимо друг от друга и поэтому обязательно находятся в состоянии напряженности, вместе с тем зависят друг от друга и связаны через политические партии. Частные ассоциации, которые являются источниками ограничений, налагаемых на правительство, служат также важными каналами вовлечения людей в политическую жизнь. Короче говоря, они представляют со-

---

⁸ См. нападки Маркса на аналог билля о правах во Второй французской республике как на обман в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» в сб.: V. Adoratsky, ed., *Selected Works of Karl Marx* (Moscow: Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the USSR [Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР], 1935), pp. 328–329.

бой механизмы по созданию и поддержанию консенсуса, необходимого для демократического общества.

Заинтересованное отношение Токвиля к плюралистической политической системе было результатом его интерпретации трендов современного ему общества. Индустриализация, бюрократизация и национализм, которые приводили низшие классы в политику и политическую жизнь, вместе с тем подрывали менее значимые местные центры полномочий и концентрировали власть в государственном левиафане. Токвиль боялся, что социальный конфликт исчезнет, поскольку будет существовать только один центр власти — государство, которому никакая другая группировка не сможет противостоять из-за недостатка сил⁹. Больше не будет никакой политической конкуренции, потому что не будет никаких общественных или социальных баз, которые бы поддерживали ее, не давая угаснуть. Кроме того, Токвиль также опасался, что в массовом обществе и консенсус тоже будет подрываться. У атомизированного индивида, оставшегося в одиночестве без членства в какой-нибудь политически значимой социальной единице, не доставало бы должного интереса к участию в политической жизни или даже просто к тому, чтобы принимать существующий режим. Политическая жизнь стала бы не только безнадежной, но и бессмысленной. Апатия подрывает консенсус, а ведь именно апатия была установкой масс по отношению к тому государству, которое Токвиль видел в качестве итогового результата функционирования индустриального бюрократического общества.

Его исследование Америки подсказало ему два института, которые могли бы сражаться с новым левиафаном: местное самоуправление и добровольные ассоциации. Вовлеченность в подобные институты казалась ему условием стабильности демократической системы. Распространяя различные идеи и создавая консенсус среди своих членов, названные только что институты становятся основой для конфликта между одной организацией и другой. И в процессе осуществления всего этого указанные институты, кроме всего, еще и ограничивают центральную власть, создают новые и автономные центры власти, призванные конкурировать с ней, и помогают

---

⁹ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, Vol. I (New York: Vintage Books, 1954), pp. 9–11. [См.: А. де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.] Анализ дрейфа в направлении массового общества посредством устранения местных групп и промежуточных центров власти между индивидом и национальным государством см. в: Robert Nisbet, *The Quest for Community* (New York: Oxford University Press, 1953).

обучать потенциальных лидеров оппозиции политическим навыкам и умениям¹⁰.

Подходы Токвиля и Маркса не приводили в результате к взаимно противоречащим анализам функций различных общественных институтов, хотя в своих оценках они действительно сильно расходились. Утверждение Маркса, что религия — это «опиум для народа», является признанием ее интегративной функции. Токвиль тоже признавал «опиумное» свойство религии: «Таким образом, религия представляет собой [попросту] особую форму надежды»¹¹. Марксу религия виделась источником заблуждений для низших слоев, механизмом, призванным приспособить эти слои к уготованной им в жизни участи и воспрепятствовать распознаванию ими своих подлинных классовых интересов. Токвиль, напротив, видел, что потребность в религиозной вере росла прямо пропорционально политической свободе. Чем менее насильственными и диктаторскими становились политические институты общества, тем больше оно нуждалось в системе святой веры, дабы помочь ограничению действий как правителей, так и управляемых.

9

Бюрократия и демократия: Вебер и Михельс

Если один из неизменных предметов заинтересованности политической социологии — раскол и консенсус — связывался с именами Маркса и Токвиля, то другой — изучение бюрократии — отождествляется с трудами Макса Вебера и Роберта Михельса. Названные две проблемы, конечно же, тесно связаны, так как бюрократия есть одно из главных средств создания и поддержания консенсуса и в то же самое время один из крупных источников тех сил, которые подрыывают интеграцию.

Различие между Марксом и Токвилем с их акцентом на классовый конфликт и консенсус — и Вебером и Михельсом с их обеспокоенностью тем, соответствует ли бюрократия исповедуемым ценностям или же предает их, представляет собой приспособление общественной мысли к последующим стадиям промышленной революции. Многих социальных философов XIX в. волновали разрушительные воздействия промышленной революции на общество, а также возможность реального достижения демократических политических структур. По-

---

¹⁰ Подробную проработку этих идей см. в: S. M. Lipset, M. Trow, and J. S. Coleman, *Union Democracy* (Glencoe: The Free Press, 1956).

¹¹ Tocqueville, *op. cit.*, p. 321. [А. де Токвиль. Демократия в Америке. С. 225.]

добно Марксу, некоторые из них верили или надеялись, что в урбанизированном индустриальном обществе, характеризующемся экономической конкуренцией и заботой о прибыли, всякая политическая и социальная стабильность была по самой своей сути невозможна, и они искали новую, более стабильную и более высоконравственную систему. В противоположность им целый ряд мыслителей XX столетия, самыми значимыми из которых являются как раз Вебер и Михельс, ушли от проблемы зависимости между экономической системой (как она определяется в терминах собственности и контроля над средствами производства) и другими общественными институтами. Для них проблема уже состояла не в изменениях, необходимых для модификации или разрушения институтов капитализма, а в социальных и политических обстоятельствах бюрократизированного общества. Поскольку лишь немногие люди верят сегодня в осуществимость возврата к общинам мелких производителей, то вопрос формулируется следующим образом: какие институциональные меры возможны в рамках бюрократического общества?

Многие из оппонентов марксизма давным-давно сказали, что социализм не покончит с большинством тех зол, на которые он нападает. Однако именно Вебер и Михельс были в числе первых, кто всерьез занялся исследованием важного допущения, что проблемой современной политической жизни является не капитализм или социализм, а отношения и зависимости между бюрократией и демократией. Вебер видел бюрократизацию как институциональную форму, неотъемлемо присущую всем современным обществам¹². В глазах Михельса олигархия — правление небольшой группы людей, которые кооптируют своих преемников, — была процессом, обычным для всех крупных организаций. Оба ученых пытались продемонстрировать, что социалистические организации и общества неминуемо были или будут столь же бюрократическими и олигархическими, как капиталистические.

Интерес Вебера к бюрократии первоначально не носил политического характера. Его убежденность в том, что рост бюрократических институтов был необходимой предпосылкой существования высокоиндустриализированного общества, привела к тому, что на бюрократизацию он смотрел как на самый важный из источников институциональных изменений и, следовательно, как на угрозу су-

¹² См.: Max Weber, «Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland», *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 22 (1906), pp. 234–353; «Der Sozialismus», в *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik* (Tübingen: Mohr, 1924), pp. 492–518; Carlo Antoni, *From History to Sociology: The Transition in German Historical Thinking*, пер. Hayden V. White (Detroit: Wayne State University Press, 1959), pp. 145–146.

ществующим силам сплочения. В этой связи Парсонс подчеркивал: «Грубо говоря, для Вебера бюрократия играет ту же самую роль, которую классовая борьба играла для Маркса и конкуренция — для Зомбарта»¹³. Однако Вебер придавал большое значение интегративным аспектам бюрократизации в демократическом обществе — таким, как перенесение на все общество бюрократических стандартов равной трактовки перед лицом закона и перед лицом власти, а также использование критерия личных достижений для отбора, поощрения и продвижения вверх.

Анализируя фактическое функционирование демократического общества, Вебер рассматривал контроль над выполнением и соблюдением законов как самую крупную проблему, с которой сталкиваются политические деятели, опирающиеся на доверие электората: «Повседневное осуществление власти находилось в руках бюрократии, и даже успех в борьбе за голоса и в парламентских дебатах, а также в принятии решений сведется к нулю, если он не будет претворен в эффективный контроль над административным внедрением и конкретной реализацией»¹⁴. И он был настроен довольно-таки пессимистически по поводу окончательных результатов воздействия растущей бюрократизации на демократию и свободу. Подобно Токвилю, Вебер опасался, что рост супергосударства в конечном счете приведет к краху понятия надлежащей правовой процедуры* и принципа верховенства права. Социализм означает для него расширение бюрократической власти и ее распространение на все общество, результатом чего становится «диктатура бюрократов», а во все не пролетариата. Это был бы мир, «не заполненный ничем другим, кроме как только теми крошечными винтиками, маленькими, мелкими людишками, цепляющимися за свои маленькие рабочие места и борющимися за продвижение к чуточку больши́м. И великий вопрос состоит, следовательно, отнюдь не в том, каким путем мы

---

¹³ Talcott Parsons, *The Structure of Social Action* (New York: McGraw-Hill Book Co., 1937), p. 509. См. также: C. Wright Mills and Hans Gerth, «Introduction: The Man and His Work», in Max Weber, *Essays in Sociology* (New York: Oxford University Press, 1946), p. 49.

¹⁴ Reinhard Bendix, *Max Weber: An Intellectual Portrait* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1960), p. 433.

* В США этот термин (due process [of law]) означает конституционное положение, заложенное в Пятой и Четырнадцатой поправках к конституции, которые запрещают федеральному правительству (Пятая поправка) и правительствам штатов (Четырнадцатая поправка) лишать любое лицо «жизни, свободы и собственности без надлежащей правовой процедуры». Данное понятие можно толковать и как «права, гарантированные подсудимому». Вряд ли М. Вебер опасался чего-либо подобного, но С. Липсет, наверняка знавший этот американский термин, использовал в этом месте именно его. — *Прим. перев.*

можем споспешествовать этому продвижению и ускорять его [(это ситуация бюрократического доминирования)], но что именно мы сможем противопоставить подобной машинерии, дабы позволить какой-то части человечества освободиться от этого дробления души на мелкие кусочки, от этого беспредельного господства бюрократического образа жизни»¹⁵.

Кроме того, Михельс проявлял интерес к факторам, которые поддерживают или, напротив, подрывают демократию. В своем анализе политических партий и профсоюзов он отмечал те элементы, неотъемлемо свойственные крупным разветвленным организациям, которые делают контроль над ними со стороны большой массы их членов технически почти неосуществимым и невозможным¹⁶. Михельс указал на преимущества контроля над организациями со стороны лидеров, которые являются должностными лицами, занимающими соответствующий пост, а также на политическую неспособность рядовых, неприметных членов, на причины их апатии и на формы давления со стороны лидеров, преследующих цель навсегда сохранять свою должность. При этом он видел, что олигархическая модель, действующая внутри бюрократических социалистических партий, распространяется на общество, которым управляют такие партии. Обсуждение внутренней политики профсоюзов, содержащееся в главе 12 данной книги, — это, по существу, попытка систематизировать некоторые из идей Михельса.

Теории Вебера и Михельса о бюрократии и демократии вместе с теориями Маркса и Токвиля о конфликте и консенсусе поставили основные проблемы и основные предметы заинтересованности современной политической социологии. Вторая часть данной главы посвящена некоторым из современных работ, вдохновленных этими проблемами.

Современные исследования

ГОЛОСОВАНИЕ

Голосование — ключевой механизм консенсуса в демократическом обществе. Однако исследования выборов в США и других странах редко проектировались и проводились как исследования консенсуса.

¹⁵ Цит. по: J. P. Mayer, *Max Weber and German Politics* (London: Faber & Faber, 1943), p. 128.

¹⁶ Robert Michels, *Political Parties* (Glencoe: The Free Press, 1949). Эта книга была первоначально опубликована в Германии в 1913 г. и затем в США в 1915 г.

Ученые, специализировавшиеся в области выборов, по большей части проявляли интерес к зависимостям и отношениям между одним типом раскола — политическими партиями — и такими из остальных его типов, как классовая принадлежность, занятие или профессия, исповедуемая религия, этническая группа и регион проживания, причем они рассматривали перечисленные факторы прежде всего применительно к их роли в качестве социальной базы скорее политической борьбы, чем политического консенсуса.

Предлагаемое здесь исследование интегративных аспектов электорального поведения заполняет важные лакуны в нашем понимании демократии как системы. Поскольку при рассмотрении под этим углом зрения такие типы, как рабочий-тори* или социалист, принадлежащий к среднему классу, — это не просто девиантные фигуры, отклоняющиеся от традиционных классовых трафаретов, но базовые требования для поддержания существующей политической системы¹⁷. Стабильная демократия требует такой ситуации, в которой все крупные политические партии обладают сторонниками из многих сегментов населения. Система, в которой поддержка различных партий слишком тесно привязана к основным социальным разделением, не может продолжать свое существование на демократических основаниях, поскольку она отражает состояние конфликта, причем настолько интенсивного и четко выраженного, что какой-либо компромисс исключается. Там, где партии отрезаны от получения поддержки среди членов одной из крупных страт, они утрачивают серьезную причину для достижения компромисса. Важно также, чтобы партии имели лидеров из разнообразных кругов с целью символически продемонстрировать свою обеспокоенность судьбами многих групп и группировок, даже если они получают от части этих групп совсем небольшую поддержку. Тот факт, что в США республиканцы выставляли негров и евреев в качестве кандидатов на выборах даже невзирая на тот факт, что в последние годы большинство членов

13

---

* В Великобритании тори — это либо член партии тори (она возникла в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. и выражала интересы наиболее консервативной части земельной аристократии и высшего духовенства англиканской церкви, а в 30-х годах XIX в. была преобразована в существующую до сих пор Консервативную партию), либо член или сторонник нынешней Консервативной партии, а также вообще человек консервативных убеждений. — *Прим. перев.*

¹⁷ Важно вести раздельный анализ различных функциональных систем: общества в целом, структурных групп и отдельных личностей. Голосование какого-то сегмента работников физического труда за тори может расцениваться как дисфункциональное для Лейбористской партии или какой-нибудь классовой организации, как функциональное или дисфункциональное для отдельной личности и как функциональное для всего общества в целом.

обеих этих групп населения голосовали за Демократическую партию, несомненно, оказал важное объединяющее воздействие на общество в целом и сократил шансы на то, что партийное разделение по расовым или религиозным границам могло бы стать постоянным. Аналогично присутствие Гарримана или Дилворта среди лидеров американских демократов либо Криппса или Шоукросса среди лидеров британской Лейбористской партии может побудить консервативные высшие сословия принять правительство, в котором доминирует партия, ориентирующаяся на низшие классы (см. главу 3). Михельс, обсуждая положение социал-демократов в Германии перед Первой мировой войной, предположил, что именно отсутствие в этой партии лидеров из высшего класса частично объясняло, почему большинство представителей среднего класса не принимали ее в качестве легитимной оппозиции¹⁸.

Достойна исследования и проблема согласия по вопросам, «пересекающим» как границы между разными группами населения, так и линии партийных расколов. Исследование электорального поведения, результаты которого анализируются в главе 7, показало, что проявления перекрестного давления (*cross-pressure*), являющегося итогом принадлежности ко многим разным группам или лояльности по отношению к ним, объясняют значительную часть девиаций (отклонений) от шаблона, доминирующего в данной группе. Индивиды, которые подвергаются давлению, толкающим их в разных политических направлениях, должны либо отклоняться от этого трафаретного шаблона, либо уходить от реальности, «сбегая в апатию». Эффектом самоотождествления со многими группами является сокращение степени эмоциональности при осуществлении того или иного политического выбора. Скажем, в США и Великобритании работники физического труда (в том числе рабочие, занятые ручным трудом), которые голосуют, соответственно, за республиканцев или консерваторов, менее либеральны по отношению к экономическим проблемам, чем рабочие, которые поддерживают Демократическую или же Лейбористскую партию, но более либеральны, чем те сторонники их собственной партии, которые принадлежат к среднему классу¹⁹. Тот факт, что значительный сегмент избирателей каждой из крупных партий отождествляет себя с ценностями, ассоции-

¹⁸ R. Michels, *Sozialismus und Fascismus in Italien* (München: Meyer & Jessen, 1925), Vol. 1.

¹⁹ Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William McPhee, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954), p. 27; M. Benney, A. P. Gray, and R. H. Pear, *How People Vote* (London: Routledge and Kegan Paul, 1956), p. 194.

рующимися с другими партиями, вынуждает лидеров каждой из них делать уступки другой партии, когда они стоят у власти, и дает им надежду на столь необходимую поддержку от оппонентов, когда они сами оказываются в оппозиции.

Аналогично проблема политического участия может рассматриваться под разными углами в зависимости от того, что является предметом заинтересованности: раскол или консенсус. Убежденность, что для демократии очень высокий уровень участия — это всегда хорошо, неправомерна²⁰. Как продемонстрировали события 1930-х годов в Германии (см. главу 5), увеличение уровня участия может отражать *падение* социальной сплоченности и развал демократического процесса, тогда как стабильная демократия может опираться на общую убежденность в том, что результат выборов не вызовет слишком больших расхождений и потрясений в обществе. Основная проблема для теории демократических систем такова: при каких условиях общество может характеризоваться участием, достаточным для того, чтобы поддерживать существование демократической системы, но не приводящим к такому расколу, который подрывает сплоченность²¹?

15

В этом месте я мог бы высказать следующее утверждение: чем сплоченнее и стабильнее демократическая система, тем с большей вероятностью оказывается, что все сегменты населения будут реагировать на сильные стимулы в одном и том же направлении; иными словами, если условия способствуют росту левых настроений, то социалисты получат больше голосов как среди зажиточного насе-

---

²⁰ Аргументы в пользу того, что политическая апатия может отражать здоровое состояние демократии, см. в: Herbert Tingsten, *Political Behavior: Studies in Election Statistics* (London: P. S. King & Son, 1937), pp. 225–226; W. H. Morris Jones, «In Defense of Political Apathy», *Political Studies*, 2 (1954), pp. 25–37. Данные из различных американских исследований показывают, что лица, не участвующие в голосовании, с намного большей вероятностью, чем голосующие, выступают против демократических ценностей, желают сильного лидерства и не согласны с предоставлением гражданских свобод всяческим радикалам и другим политическим меньшинствам. См.: Samuel A. Stouffer, *Communism, Conformity, and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1955), pp. 83–86; H. H. Field, «The Non-Voter — Who He Is, What He Thinks», *Public Opinion Quarterly*, 8 (1944.), pp. 175–187; Robert E. Lane, «Political Personality and Electoral Choice», *American Political Science Review*, 49 (1955), pp. 178–179; F. H. Sanford, *Authoritarianism and Leadership* (Philadelphia: Stephenson Brothers, 1950), p. 168.

²¹ Серьезную попытку увязать исследование в области голосования с общей проблемой социальной сплоченности можно найти в: Talcott Parsons, «Voting and the Equilibrium of the American Political System», in E. Burdick and A. Brodbeck, eds., *American Voting Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1959), pp. 80–120. В этой статье содержится множество заставляющих задуматься гипотез и интерпретаций, которые связаны с американской избирательной системой.

ния, так и среди рабочих, хотя они все-таки останутся относительно более слабыми в верхних стратах. Точно таким же образом в период доминирующего влияния правых взглядов даже среди более бедных групп увеличится голосование за консерваторов. Наоборот, индикатором низкого консенсуса стала бы ситуация, когда некоторая политическая тенденция усиливается только среди тех групп, к которым она в первую очередь апеллирует, — например, левые набирают силу среди рабочих, в то время как в других стратах растет противоположная тенденция, т.е. среди представителей среднего класса укрепляется положение правых идей и партий. Это в точности та самая ситуация, которую марксисты называют революционной и которая, как указывается в главе 5, имела место в Германии перед 1933 г., а в Москве и Петрограде — в 1917 г.²² Исследования исторических вариаций в электоральном поведении американских штатов можно суммировать в следующей сентенции: «Как поступает твой штат, так поступает и вся страна», и эти вариации демонстрируют фундаментальную сплоченность американского общества²³. Можно изучать относительную степень политической сплоченности в разных странах или в одной и той же стране за какой-то период времени, анализируя, в какой степени электоральное поведение среди различных страт и регионов изменяется в одном и том же направлении.

Недавно появившаяся важная историческая работа, посвященная консенсусу: книга Мэннинга Дауэра «Федералисты

²² В Германии между 1929 и 1933 гг., по мере того как нацисты росли и из маленькой партии превращались в такую, которая уверенно набирала на любых выборах больше одной трети голосов, основная масса центристских партий среднего класса резко теряла сторонников; голосование за коммунистов в этот период также увеличилось, в то время как процентная доля социал-демократов уменьшалась. Исследования выборов, которые проводились в России между Февральской и Октябрьской революциями, ясно показывают, как в двух главных городах, Петрограде и Москве, шло раздвоение классовой поддержки. Большевики, которые в феврале были маленькой группировкой, получили к октябрю большинство голосов рабочего класса, тогда как кадеты получили большинство от средних классов. См.: Oliver Radkey, *The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917* (Cambridge: Harvard University Press, 1950).

²³ См.: Louis Bean, *Ballot Behavior: A Study of Presidential Election* (Washington: Public Affairs Press, 1940); *How to Predict Elections* (New York: Alfred A. Knopf, 1948). Анализ данных из обзорных исследований различных американских избирательных кампаний начиная с 1936 г. показал похожие картины для разных классов. Исследование британских избирательных кампаний также показывает, что общее увеличение числа голосов, поданных за тори, означает прирост голосов за консерваторов среди рабочих, а также в рядах среднего класса, равно как и общий прирост голосов за Лейбористскую партию приводит к увеличению ее популярности и в высших сословиях, и в тех регионах, где много простых тружеников, а позиция лейбористов традиционно сильна. См.: John Bonham, *The Middle Class Vote* (London: Faber & Faber, 1954).

Адамса»²⁴, — представляет собой экологическое исследование* упадка федералистской партии и триумфа Джефферсона на выборах, которые происходили где-то около 1800 г. Хотя Дауэр документирует тогдашние линии разделения между партиями, не они являются центральным объектом его увлеченности. Скорее он интересуется тем, почему двухпартийная система того периода потерпела крах. Автор утверждает, как это детально проработано в главе 9 его монографии, что упадок федералистской партии объяснялся следующим: Гамильтон и правое крыло данной партии оказались не в состоянии понять правила игры в условиях демократической политической жизни, а именно что если они хотят оставаться крупной партией, то должны обращаться ко всем слоям населения. Слишком узко ориентируясь на служение потребностям городского торгового сословия, федералисты отвращали от себя своих потенциальных сельских сторонников, и в стране, которая тогда являлась в основном аграрной, они неизбежно переставали быть влиятельной партией.

При исследовании расхождений и социальных различий в США между демократическими и республиканскими избирателями в 1948 г. три социолога из Колумбийского университета²⁵ отметили общее согласие среди избирателей обеих главных американских партий по целому ряду основополагающих проблем, стоявших перед страной. В частности, близкими оказались позиции по некоторым из этих проблем, особенно по вопросам интернационализма и гражданских прав; ожиданий в сфере таких важных событий, как война и депрессия; легитимных критериев для справедливой оценки баллотирующихся кандидатов; важности самих выборов; наконец, правил игры, которыми руководствуется демократический процесс²⁶.

---

²⁴ Manning Dauer, *The Adams Federalists* (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1953).

* Термин «экологическое исследование» широко применяется в данной монографии и в ее контексте восходит к термину *human ecology*, означающему отрасль социологии, которая оперирует по преимуществу пространственными и временными взаимозависимостями между людьми и их экономической, социальной и политической организацией. — *Прим. перев.*

²⁵ Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William McPhee, *op. cit.*

²⁶ Исследование Яновица и Марвика, посвященное общей проблематике консенсуса и выборов, представляет собой анализ президентских выборов 1952 г. в США, который сосредоточен на «оценке процесса выборов в терминах требований, необходимых для поддержания демократического общества... [и ставит следующий вопрос:] «До какой степени эти выборы представляли собой процесс согласия?»». Авторы сформулировали целый ряд условий, которые необходимо соблюсти, если выборы должны породить «процесс согласия», и проанализировали доступные данные опросов, чтобы посмотреть, отвечали ли выборы 1952 г. требованиям, логически выведенным из теории. Их открытие, что «выборы 1952 г. можно оценить как процесс согласия»,

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Исследование реформистских и экстремистских движений составляет вторую по величине самостоятельную область американской политической социологии, и в главах 4 и 5 этой книги излагаются наши знания о некоторых из таких группировок. Это может показаться странным, но американские социологи, равно как и их европейские коллеги, намного больше интересовались реформистскими и экстремистскими движениями, чем обычными и консервативными партиями²⁷. В библиотечных каталогах присутствует намного больше позиций по разделу «Британская лейбористская партия», чем по разделу «Консервативная партия». Многие американцы изучали в различных частях Британского Содружества лейбористские и иные рабочие партии; но лишь немногие написали книги или статьи о консерваторах. Легко убедиться, что Социал-демократическая партия и кооперативные движения в Швеции и других частях Скандинавии вызвали большой интерес среди американских ученых; однако лишь немногие из этих специалистов, если таковые вообще имеются, коснулись проблематики скандинавских несоциалистических партий. Вплоть до сравнительно недавнего времени консервативными движениями и силами, равно как консервативными политическими философами вроде Бёрка, Бональда или де Ме-

менее важно, чем продемонстрированный ими пример того, что данные из интервью, проведенных в ходе упомянутых опросов, могут плодотворно использоваться для рассмотрения некоторых из числа самых сложных проблем политического анализа. См.: Morris Janowitz and Dwaine Marvick, *Competitive Pressure and Democratic Consent*, Michigan Governmental Studies, No. 32 (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956), p. 96. Роберт Даль высказал на теоретическом уровне много важных соображений по поводу условий, необходимых для демократической избирательной системы. Многие из его выводов сформулированы как суждения, которые поддаются эмпирическому тестированию. Его книга особенно важна по той причине, что она направляет внимание исследователей на общую проблему зависимости между интенсивностью эмоций и стабильностью системы, особенно в тех случаях, когда меньшинство испытывает намного более сильные чувства, нежели большинство. См.: Robert A. Dahl, *A Preface to Democratic Theory* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), особенно глава 4, с. 90–123. Недавняя работа политолога Дэвида Истона также представляет социологический интерес: David Easton, «An Approach to the Analysis of Political Systems», *World Politics*, 9 (1957), pp. 383–400.

²⁷ S. M. Lipset, «Political Sociology, 1945–1955», в сб.: H. Zetterberg, ed., *Sociology in the United States of America* (Paris: UNESCO, 1956), pp. 43–55. Этот комментарий настолько же применим к моей собственной работе, насколько и к работам любых других социологов. Для обсуждения идеологических предпосылок, лежащих в основе заинтересованности конфликтом (радикальным) или консенсусом (консервативным), см.: Bendix and Lipset, *op. cit.* Стоит отметить, что Рудольф Хеберле (Rudolf Heberle) снабдил свою книгу о социальных движениях подзаголовком *An Introduction to Political Sociology* («Введение в политическую социологию»).

стра, а также проблемами интеграции и сплоченности фактически пренебрегали.

Аналогично большинство исследований, посвященных фашистским и коммунистическим движениям, делает упор скорее на факторы, которые создают и поддерживают экстремизм в стабильных демократиях, нежели на те, что сдерживают его. В Америке мы располагаем исследованиями как источников угроз гражданским свободам, так и социальных корней маккартизма или символов и призывов, использовавшихся фашистскими группировками в 1930-х годах и сенатором Маккарти в 1950-х, а также исследованиями опасностей для «надлежащей правовой процедуры», неотъемлемо присущих всякой популистской идеологии²⁸. Но почти никакого внимания не было уделено выявлению источников американского сопротивления крайностям правых и левых движений в период Великой депрессии, которая затронула США, вероятно, сильнее — по отношению к их предыдущей экономической ситуации, — чем любую другую из западных стран, за исключением Германии. В некоторых материалах, представленных в частях I и III данной книги, эти проблемы рассматриваются достаточно подробно.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЮРОКРАТИИ

Сфокусированность Вебера на бюрократии и власти как элементах крупномасштабных формальных структур, а также проведенная им систематизация основных черт, неотъемлемо присущих бюрократической организации, получила развитие в большом количестве дальнейших исследований²⁹. Но политическая социология обратила минимум внимания на выполненный им анализ зависимости между усилением власти централизованного бюрократического государства и упадком демократии. Лишь немногие из его основополагающих трудов о бюрократии и демократии были хотя бы переведены на английский язык. Ученые, которые явно или неявно шли по следам гипотез Вебера, отделили исследование бюрократии от исследования политической организации в узкоспециальном смысле этого термина и охватили все разновидности других организаций:

---

²⁸ См.: Samuel A. Stouffer, *op. cit.*; Daniel Bell, ed., *The New American Right* (New York: Criterion Books, 1955); Leo Lowenthal and Norbert Guterman, *Prophets of Deceit: A Study of the Techniques of the American Agitator* (New York: Harper & Bros., 1949); and Edward Shils, *The Torment of Secrecy* (Glencoe: The Free Press, 1956).

²⁹ Анализ и краткое изложение различных американских исследований, выполненных в русле данной традиции, см.: Peter Blau, *Bureaucracy in Modern Society* (New York: Random House, 1956).

больницы, деловые конторы, фабрики, заводы, церкви и профсоюзы. Эти исследования показали, как признавал сам Вебер, что внутри бюрократических организаций существуют постоянные, систематически возникающие напряженные отношения и конфликты, результатами которых становятся отклонения от бюрократических идеалов «рациональной эффективности», «иерархии» и «нейтральности». Другими словами, напряженность между потребностями власти и бюрократизацией существует не только во взаимоотношениях между политической организацией и обществом, но и в рамках *всех* организаций *per se*. Примеры проявлений такой напряженности неисчислимы: это столкновения между врачами и администраторами больниц, между журналистами и газетными редакторами, университетскими профессорами и администраторами вузов, между служебно-административным и линейным персоналом в промышленности и в правительстве, а также в иных органах власти. Конфликты по вопросам о целях и процедурах — это фактически интегральная часть всех организаций, будь то Государственный департамент США, Красный Крест, Коммунистическая партия Советского Союза или отдел продаж какой-нибудь корпорации.

Проделанный Вебером анализ бюрократической политической нейтральности, т.е. нормы, гласящей, что лицо, принадлежащее к бюрократии, является беспристрастным экспертом, а не заинтересованной стороной, проводился с точки зрения потребностей демократической политической системы. Эта норма делает возможным поддержание непрерывности демократической правительственной власти во время смены караула в политических кабинетах. Позволяя проводить разделение между персоналом правительственных органов и иных властных структур, с одной стороны, и личностными качествами и политическими взглядами тех политических деятелей, которые временно пришли к власти, с другой стороны, бюрократия, присутствующая в правительстве и прочих органах власти, уменьшает напряженность партийной борьбы. В бюрократические структуры неотъемлемо встроена тенденция ослаблять конфликты, переводя их из политической плоскости в административную. Неизменный акцент на потребность в объективных критериях как основы для улаживания конфликтов позволяет бюрократическим институтам играть важные посреднические роли³⁰. Тем самым разные виды

---

³⁰ Недавно появилась работа в области политической социологии, которая посвящена роли бюрократии в социальном сплочении: Philip Selznick, *TVA and the Grass Roots* (Berkeley: University of California Press, 1949). Селзник не игнорирует существующий конфликт — он показывает, каким образом те же самые процессы, результатом

давления, имеющего целью расширить бюрократические нормы и практики, несомненно укрепляют демократический консенсус³¹.

ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В ДОБРОВОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Михельс в отличие от Вебера послужил вдохновителем ограниченного числа последующих исследований. Его идеи использовались по большей части в описательных целях либо в полемических высказываниях для осуждения тех или иных организаций как недемократических. Ни один из американских социологов не посчитал разумным и стоящим делом заняться изучением общей обоснованности его теории олигархии в свете, скажем, различий между партийной жизнью немецких социал-демократов, как она описана Михельсом в его работе «Политические партии»*, и жизнью двух ведущих американских политических партий. Ясно, что в отличие от Социал-демократической партии в Германии перед Первой мировой войной американские партии характеризуются постоянной фракционной борьбой, довольно частой и быстрой сменой лидеров, а также отсутствием центральной властной структуры. В Америке только организации, объединенные общностью интересов, вроде профсоюзов или профессиональных сообществ обладают внутренними структу-

21

которых становится сотрудничество между некоторыми группами, приводят к отчужденности и конфликту с другими группами. Но в первую очередь его интересуют механизмы, которые примиряют и сводят воедино организации и группы, преследующие разные цели, причем он подчеркивает роль идеологии и самовоспитания тех, кто сотрудничает в достижении данной цели. В другой своей книге, *Leadership in Administration* (Evanston: Row, Peterson and Co., 1957), Селзник формализовал многие из идей, первоначально выдвинутых и разработанных в вышеупомянутом исследовании TVA (администрации долины Теннесси), и установил исчерпывающие социологические рамки для изучения зависимости между конфликтом и интеграцией внутри организаций, сконцентрировав внимание на смысле и процессе институционализации, а также на роли и важности правил игры в жизни разных организаций. Его суждения о таком развитии ценностей и процедур, которое увеличивает компетентность конкретных организаций, могли бы также использоваться и в исследованиях более крупных систем.

³¹ Та школа индустриальной социологии, которая ставит во главу угла человеческие отношения, проявляя интерес к сплоченности и консенсусу внутри самих бюрократических структур. Однако ученые, принадлежащие к этому направлению, рассматривают конфликт в качестве явления, которое всегда ненормально и дисфункционально как для конкретных организаций, так и для общества в целом. Библиографию трудов этой школы и некоторых из многочисленных критических дискуссий вокруг нее можно найти в работе Louis Kriesberg, «Industrial Sociology, 1945–1955», в сб.: H. Zetterberg, ed., *op. cit.*, pp. 71–77.

* Имеется в виду главный труд Михельса — «Социология политической партии в условиях современной демократии» («Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie», 1911). — *Прим. перев.*

рами, напоминающими те, которые Михельс описал как необходимые в политических партиях³².

Существование олигархии в крупномасштабных организациях ставит следующую проблему: до какой степени тот факт, что различные добровольные ассоциации являются или, напротив, не являются демократическими, влияет на их эффективность как инструментов социального и политического сплочения? Токвиль писал о вкладе различных олигархически организованных ассоциаций в поддержание демократических напряженностей и консенсуса, а некоторые последующие авторы довольно аргументированно утверждали, что отсутствие внутренней демократии не имеет значения, поскольку добровольные организации, дабы выживать, принудительно ограничены необходимостью выполнять, по существу, представительскую функцию. Указывалось, например, что, хотя Джон Льюис, глава Объединенного профсоюза шахтеров, является диктатором в своей организации и республиканцем по политическим взглядам, в вопросах забастовочной тактики и в политике переговоров с предпринимателями об условиях труда и о положениях коллективного договора он руководил этим профсоюзом столь же воинственно, как действовали настоящие левые лидеры рабочего движения в других частях мира. С другой стороны, есть много свидетельств того, что члены частных ассоциаций зачастую делают очень немного для реального противостояния тем политическим методам, к которым они питают отвращение. Это справедливо для контролируемых коммунистами профсоюзов и для Британской медицинской ассоциации, при опросе членов которой в 1944 г. обнаружилось, что большинство из них отдают предпочтение различным аспектам социализированной медицины, против которой энергично возражали лидеры указанной ассоциации³³.

Основные оправдания, приводимые для олигархического правления в добровольных организациях, состоят в следующем: (1) оно позволяет этим организациям лучше выполнять их специфические боевые роли в генеральном социальном конфликте с другими группировками или же добиваться уступок от властей и правительства и (2) не существует никаких структурных оснований для конфликта внутри них (как в случае профсоюзов, которые представляют одну-

³² См. главу 12 настоящей книги, где представлена попытка разработать теорию олигархии в контексте анализа американского рабочего движения.

³³ Harry N. Eckstein, «The Politics of the British Medical Association», *The Political Quarterly*, 26 (1955), pp. 345–359; см. также: Oliver Garceau, *The Political Life of the American Medical Association* (Cambridge: Harvard University Press, 1941), где анализируется проблема олигархии и представительства в Американской медицинской ассоциации.

единственную группу интересов). Однако недавнее исследование профсоюзов говорит о том, что демократия и конфликт внутри организаций могут, как и демократия и конфликт в более крупном сообществе или даже во всем обществе, внести свой вклад в сплоченность и солидарность³⁴, поскольку при однопартийной системе как в гражданском обществе, так и в профсоюзе омерзение по отношению к политике администрации часто приводит к отторжению и неприятию всей системы в целом, потому что становится трудно проводить различие между несменяемыми правителями и самой организацией. И наоборот, в демократической системе, где имеет место неизбежная сменяемость ее чиновников и официальных лиц, члены такой системы и обычные граждане могут возлагать ответственность за любое конкретное зло на тех, кто занимает сейчас руководящие посты, и оставаться при этом полностью лояльными к организации как таковой. Вследствие этого в профсоюзе или же в государстве с легитимной многопартийной системой существует больше лояльности и меньше предательства, чем в диктаторской системе.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Если одной из ключевых задач политической социологии является исследование демократии как формы общественной системы, то имеется, безусловно и много других ясно выраженных тем, которые нуждаются в дальнейшей углубленной проработке и изучении. Возможно, самой важной из них является легитимность политической системы — т.е. та степень, в которой она в общем и целом принимается своими гражданами, — обсуждаемая в главе 3. Большинство социологов согласились бы с тем, что стабильное правление — это власть плюс легитимность. Тем не менее до сих пор мало работ, в которых при анализе политических систем используется концепция легитимности.

Даже такая основополагающая взаимозависимость, как та, что существует между религией и общенациональным консенсусом, обычно молчаливо предполагается или же принимается на веру, а не проверяется и подтверждается. Токвиль заявил сто с лишним лет назад, что Америка более религиозная страна, нежели основная масса европейских стран, и высказал предположение о наличии причинной связи между ее религиозностью и существующими в ней демократическими институтами. На сегодняшний день многие из американских интеллектуалов, завершая длительный период приверженности секуляризму, антиклерикализму и отрицанию религии,

---

³⁴ S. M. Lipset, M. Trow, and J. S. Coleman, *op. cit.*

заново открывают для себя силу последней. Некоторые из них теперь готовы принять предположение, что именно религия является серьезным источником стабильности и демократии. Однако эта тенденция некритически приветствовать и восхвалять социальные функции религии потенциально столь же бесплодна для понимания ее роли, как и предшествующий антагонизм по отношению к ней. Существуют свидетельства (см. главу 4), что религия, особенно в форме сект, служила функциональной альтернативой политическому экстремизму. В период Великой депрессии, когда организованный радикализм не добился сколько-нибудь значительного успеха в США и не снискал в этой стране особых лавров, там быстро росли мелкие религиозные секты³⁵. С другой стороны, более свежие данные указывают, что людям с сильно выраженной религиозностью присуща тенденция быть в рядах тех, у кого весьма высок уровень политической нетерпимости³⁶. Ясно, что есть место для дальнейших, намного более широких исследований зависимости между религией и относительной силой демократических институтов, равно как и для продолжения более традиционного анализа религии как источника раскола в случае публичных разногласий.

Возникает вопрос, можно ли проранжировать и проанализировать социальные институты согласно их интегративному и неинтегративному характеру³⁷. Если мы посмотрим на разнообразные крупные институты, то становится ясно, что, хотя экономические институты представляют собой первоочередной источник общественной интеграции, поскольку «процессы производства... требуют «сотрудничества», иначе говоря, интеграции большого числа самых разных органов»³⁸, они являются также наиболее разрушительными и центробежными.

Очевидно, что в сложных обществах самым важным источником всякого конфликта интересов является распределение богатства. На противоположном полюсе располагается институт семьи — интегратор *par excellence* (в чистом виде). Как уже указывалось, в качестве второй по мощности из интегрирующих сил часто рассматривается религия, которая предположительно «окультуривает» и улучшает ситуацию с напряжениями, возникающими как результат существую-

³⁵ См.: Elmer T. Clark, *The Small Sects in America* (New York: Abingdon Press, 1949).

³⁶ Samuel A. Stouffer, *op. cit.*, pp. 140–149.

³⁷ Однако никакой институт никогда не бывает чисто одним или другим. Неявно в любой институциональной структуре присутствуют интегративные и дезинтегративные элементы. Как отмечал Дюркгейм, даже такие экстремально разрушительные модели поведения, как преступление, косвенным образом вносят какой-то вклад в социальную интеграцию.

³⁸ T. Parsons, *The Social System, op. cit.*, p. 139.

щей системы стратификации, поскольку религия отвлекает от них внимание и помогает людям приспособливаться к той участи, которая выпала на их долю в этой жизни. Однако во многих обществах религия выступала также источником значительной накаленности отношений. Институты, которые организованы в соответствии с линиями разделения на классы, вносят свой вклад как в раскол, так и в интеграцию. Вообще говоря, система стратификации создает недовольство среди тех, кто находится на нижних ее этажах и, следовательно, выступает как источник раскола, но она же является вместе с тем основным средством для того, чтобы помещать людей в различные позиции и мотивировать их к исполнению своих ролей. Например, когда группы людей, которые принадлежат к рабочему классу, организуются в профсоюзы или в трудовую (рабочую, лейбористскую) партию, тем самым создается механизм для явного выражения конфликта, но вместе с тем — и это, возможно, даже важнее — рабочие интегрируются в более крупное политическое образование или политическое пространство (*body politic*) благодаря тому, что в их распоряжение поступают легитимные средства для получения желаемого.

Необходимы также исследования меняющейся функции интеллектуала в политической жизни, особенно его отношения к другим элитам и к властным группировкам, а также его роли в качестве того, кто ставит проблемы и дает им дефиниции³⁹. Слишком долго профессура, дипломированные специалисты, разнообразные профессионалы и креативные представители творческих профессий недооценивали свою роль в политической сфере и даже выступали против нее, причем в США это суждение не разделялось различными комиссиями конгресса и многими лидерами делового мира. Как я пробую показать в главе 10, те ценности, которые исповедуются преподавательским составом страны и ее интеллектуалами, образуют важный политический ресурс.

В сущности, эта книга предлагает, чтобы социология политической жизни возвратилась к проблеме, поставленной Токвилем: каковы общественные, социальные потребности и последствия демократии? И на мой взгляд, в ней показывается, что любая попытка адекватным образом разобраться в такого рода проблеме вынуждает нас прибегнуть к методу, который столь успешно использовал сам Токвиль, а именно к сравнительному (компаративному) анализу.

---

³⁹ См. прежде всего: Theodore Geiger, *Aufgaben und Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft* (Stuttgart: F. Enke, 1949); Karl Mannheim, *Ideology and Utopia* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1936), особенно pp. 136–146; Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy* (New York: Harper & Bros., 1947), pp. 145–155.

